

32 фузте Лидии Крупениной

Сегодня те, кому повезло «достать» билеты на «Дон-Кихота» (а теперь уже так разрешается эта проблема у кассе музыкальной и драмтеатра) встречаются со своими давними знакомыми — народной артисткой РСФСР Лидией Крупениной и ее неизменным партнером Юрием Гревцовым. Этот блистательный балетный дуэт так привычен и любим иркутянами, что в разговоре о них уже не вспоминают даты их гастролей, а говорят о Джульетте и Ромео, Жизели и Альберте, Одетте и принце, Китри и Базильо.

— Какая она, моя Китри? — таановщица на мгновение замедляет в той позе, в какой ее застал вопрос и потом продолжая «разминку» — наклоны, повороты, броски ноги, говорит, почти поет:— Это огонь, любовь к жизни, постоянное движение, это смех и радость, радость через край. Я люблю ее, мою Китри. Валентин Дмитриевич, дайте из-за такта. И раз...

Лидия Ивановна вскидывает

голову, призывая «Вот смотрите!» И вдруг летит легко, грациозно. Летят по классу искрящимися горошинками отточенные нотки, перестукиваются по деревянному полу пуанты. Руки, ноги, все тело балерины поет восторженный гимн. Глаз улавливает фарфоровую утонченность поз, графическую легкость линий. И вдруг повороты, раз, два, три... Сбивается со счета. В движениях таановщицы восторг, упоение, радость, радость, радость. Заключительный аккорд. И ладони сами тянутся друг к другу для аплодисментов. Прекрасно! 32 фузте! Лидия Ивановна счастливо улыбается: «Вот она, моя Китри!»

О Крупениной писали: «Полетность прыжка, поющая мягкость линий, блистательные фузте, виртуозная легкость, поэтичность танца — все это делает ее неповторимой». Откуда это? Работа и еще раз работа. Я сижу на репетиции в танцзале и передо мной один за другим проходят куски из «Дон

Кихота». И вот чудо — рабочие трико превращаются в пестрые испанские наряды, вместе фортепианных пассажей звучат кастаньеты. Севилья врывается в старый репетиционный класс. Снова и снова команды концертмейстеру: «Валентин Дмитриевич, подойдите ко второй вариации...» И снова в прыжках, подержках, пируэтах, фузте оттачивается «своя», крупенинская — гревцовская линия танца. А потом мы сидим в залитом солнцем классе и «остываем» — они от танца, я от сопереживания ему. И говорим о любимых балетах — «Лебединое», «Спящая», «Раймонда», «Жизель».

И уже при прощании Лидия Ивановна говорит: «А все-таки «Дон-Кихота» я люблю больше всего». И снова улыбается, как Китри, с хитринкой и радостью.

Б. БАКУН.

Воспоминание Лидии Ивановны о работе, Иркутск, 1970